

18+

Алишер Токсанов

Вахтёр
пограничного
поста

Алишер Таксанов

Вахтёр пограничного поста

«Издательские решения»

Таксанов А.

Вахтёр пограничного поста / А. Таксанов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-684244-1

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Вахтёр на пограничном посту встречает свои клоны из параллельных миров. В канадском городе Ванкувер друзья не могут спокойно посидеть в ресторане, так как зомби им мешают. На унитазах времени можно не только путешествовать по эпохам, но и скрываться от ворчливой супруги. На космический корабль, летящий к Эпсилону Эридиана, проникают инопланетяне, и пилоту приходится принимать сложное решение. Волк и Красная Шапочка — криминальные герои, и им противостоит Кот с Сапогах, лейтенант полиции.

ISBN 978-5-00-684244-1

© Таксанов А.
© Издательские решения

Содержание

ВАХТЕР ПОГРАНИЧНОГО ПОСТА	6
ШУМНЫЙ ВАНКУВЕР	16
О ЗВЕЗДАХ ЗАБУДЬ!	29
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Вахтёр пограничного поста

Алишер Таксанов

© Алишер Таксанов, 2025

ISBN 978-5-0068-4244-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ВАХТЕР ПОГРАНИЧНОГО ПОСТА (Фантастическая юмореска)

Многие считают, что моя работа очень простая и легкая. В их представлении: сидит вахтер на Контрольно-пропускном пункте хронопорта, проверяет документы и визы, смотрит в лица, шлёп – штемпель на паспорт – и пропускает гостя в страну. Мол, почти лежачая работа, остается только кофеек одновременно пить. Такое видение зачастую навязывают наши СМИ, хотя никто из журналистов к нам так и не наведался и правду видеть не хочет. Они рисуют картину, где всё просто, ровно и красиво, а на самом деле работа вахтера – это не только проверка документов, но и постоянная концентрация, анализ угроз, взаимодействие с существами, которые по определению не должны быть похожи на тебя. Каждый день здесь непредсказуем, а каждая ошибка может стоить нам целого потока временных туристов... и не только их.

Хронопорт – это не просто ворота или проход. Это огромный массив технически сложных и архитектурно многообразных сооружений, словно город внутри города, где каждая линия, каждый портал, каждый сегмент маршрута тщательно рассчитан. Огромные металлические арки, мерцающие и переливающиеся странными цветами, уходят в бесконечность, соединяя эпохи, как нити паутины. Стены покрыты голографическими панелями, показывающими текущие потоки временных туров, а в потолке – массивные кристаллические концентраторы энергии, питающие порталы. Между арками – контрольные залы с датчиками, которые сканируют не только документы, но и биологические, психические и временные подписи гостей. Здесь даже воздух другой: слегка ионизированный, с легким запахом озона и смолы, будто сам поток времени проаживается сквозь помещение.

Порталы хронопорта – это шлюзы времени, по которым двигаются в двустороннем направлении материальные объекты. То бишь туристы. Поясню проще: к нам из всех эпох прибывают люди, чтобы увидеть, как живем мы в настоящем, чем дышим, что носим, что едим, что слушаем, чем занимаемся. Они приезжают, фотографируют, записывают, иногда пытаются что-то утащить – а потом возвращаются к себе, чтобы рассказать соотечественникам всякую небылицу, пересказывая наш мир в собственной интерпретации, слегка приукрашивая или наоборот драматизируя. И каждый раз я должен убедиться, что этот гость не принесет с собой вирусов, опасных привычек или, хуже того, идеи, способной нарушить ход истории.

И я, как вахтер, проверяю их документы – право посетить моё время. Но это не просто бумажки: я анализирую, способен ли человек причинить вред нам и самим себе, понять, что его эпоха не слишком разрушительна, и что он не станет таскать с собой болезни, артефакты или знания, способные изменить настоящее. Иногда это требует секундной реакции, иногда – долгого наблюдения, почти психологического допроса, чтобы понять, кто перед тобой и чего от него ожидать.

Гости бывают самые разные. Вот, к примеру, прибыл из 32 шлюза рыцарь средневековья. На нём доспехи, латы, меч и щит, огромное копьё, плащ за спиной. Металл гремит при каждом шаге, щиты стучат, кольчуга скрипит, а тяжёлый шлем с рогами скрывает почти всё лицо, оставляя лишь маленькие, подозрительные глазки, сверкающие из щелей. Он медленно и тяжело продвигается вперёд, словно каждое движение дается ему через силу.

– О, презренный чужеземец! – гремит он, ударяя железной перчаткой по щиту. – Впусти меня в свою страну!

И тут же он бросает на стол свитки пергамента – это его документы с печатями эпохи, мрачной, болезнеобильной, малокультурной. Реформация, Ренессанс наступят значительно позже, а сейчас это просто быдло, считающее себя аристократией. Свитки пахнут плесенью и воском, буквы на пергаменте написаны кривыми чернилами, которые от времени слегка расплылись.

От него несет тухлятиной и едкой затхлостью, что приходится вставлять фитильтпры в нос. Судя по всему, жрали в средние века какое-то пойло: мутная жижа из забродившего молока и злаков, сгоревшего на костре, иногда с добавлением остатков тухлой рыбы – аромат настолько специфический, что сразу отличает средневекового туриста от всех остальных.

– Цель вашего визита? – спрашиваю я, рассматривая фамильные документы, свидетельствующие, что податель сего является Дерэем де Юнкерсом Вторым, бароном в шестом колене, берущем начало от некого Бартоламея Теодоре де Юнкерса, сподвижнике местного короля из какого-то захолустного королевства. То ли тринадцатый, то ли одиннадцатый век нашей эры – на свитках цифры едва различимы, чернила местами съехали, печати расплылись от влаги. Бумага пахнет старой кожей и смолой; герб выдавлен небрежно, словно воин и впрямь считал клеймо делом чести, а не аккуратности. По-моему – эпоха то ли холеры, то ли бубонной чумы, то ли сифилиса; во всяком случае, время, где санитария – слово чуждое, где медицина сводилась к молитвам и кровопусканию. Надо бы его проверить на наличие там бацилл, вирусов и микроорганизмов – зачем нам болезни из прошлого? Я мысленно отмечаю пункт в планшете: полный биологический скриннинг, карантин три смены, протокол деактивации артефактов.

– О, презренный чужеземец, что за странные вопросы мне изволишь задавать? – негодует он, расправляя плащ и выпячивая грудь. – Я прибыл посмотреть, как живут мои потомки? Продолжают ли дело они своего славного предка, то есть меня? Сохранился ли мой замок? Умножили ли они мои богатства?

Его голос – металлический, его фраза – китч из романтических легенд: рыцарь верит в собственную легенду, в образ себя, каким его учили на балах и в баладах. Я знаю слишком много о таких «славных» предках: в реальности эти господа распоряжались людьми, как вещами; их пиры заканчивались оргиями из мяса и вина, где умственная голодовка заменялась блеском драгоценностей и затмением совести. Они грабили крестьян, обложив данью не хуже рекрутов; насиловали тех, кто попался под руку; в их подвалах варилось не только варево, но и горе для тех, кто осмеливался перечить. Всё это – правда, которую нельзя поправлять вмешательством: мы держим дистанцию, несем ответственность перед временным континуумом.

– А чем вы занимаетесь, сэр? – продолжаю задавать я стандартные вопросы, прописанные в пограничной службе, – кем были в вашем времени, каким был ваш социальный статус, имели ли вы доступ к эпидемиологическим методам, орудиям массового уничтожения, редким знаниям?

Рыцарь дрожит от негодования, так что кольчуга мелодично создает нервный фон:

– Я сражаюсь с драконами, изволяю из плена принцесс, спасаю народ от мерзких существ! – и опять стучит перчаткой по шиту, отчего металлический звук отдается эхом в зале и несколько приборов на стойке мигнули. – Да я герой!

Я морщусь. За словами рыцаря – обычный трёп, украшенная броня громче правды. Эти типчики грабят своих же подданных, насилюют, в своих замках пируют так, что валяются порой замертво от обжорства, когда простые люди умирают от голода, болезней и антисанитарии. Их замки – это не музеи добродетели, а склады власти и безответственности; в очагах горит не только огонь камина, но и забытое человечество. Мы не станем вмешиваться в их эпоху: развитие должно идти естественным путем, иначе временная линия даст трещину. Поэтому даже антибиотики передать не могу, не говоря о микроволновках или лампочках на солнечных батареях, чтобы освещать деревушки – такие поступки нарушат причинно-следственные связи и сделают из средневековой деревни плацдарм технологической революции задолго до её времени.

– Ясно, – зеваю я. – А средства для проживания в нашем времени у вас имеются?

Злой и красный от унижения, Дерэй де Юнкерс рывком опускает голову, как будто желая показать, что оскорбление вахтера – унижение для всей фамилии. Он извлекает из недр своих доспех мешочек, туго набитый чем-то, развязывает и высыпает мне на стол золотые монеты. Они осыпаются, звонят, преломляют свет арочной лампы – монеты с отпечатками корон, с двуглавыми орлами, с витиеватыми латинскими надписями; на их реверсах виднеются сцены охоты и священные символы. Опаньки – это раритетные монеты, настоящие, антиквариат. Края у них стёрты, на одной виден след удара молотом чеканщика; патина такая, что её не пришьёшь к фальши. В нашем банке такие активы охотно принимают: мы применим нумизматическую оценку, занесём код в систему, проведём процедуру легализации – и деньги будут эквивалентны курсу времени на текущую неделю. Я отмечаю сумму, прикидываю, сколько смен охраны и койкомест в карантине можно оплатить.

– Ясно, денег хватит, – соглашаюсь я, не отнимая взгляда от сводов монет. – Только есть одно условие.

– Ты изволишь мне, барону и рыцарю ставить какие-то условия? – взрывается в негодовании Дерэй де Юнкерс, пытаюсь извлечь из ножен огромный меч. – Да я разрублю тебя на части, мерзавец и презренный чужеземец!

Я с насмешкой смотрю на него. Этот чувак не знает, что стоит мне нажать на кнопку, как мощные магниты в потолке активируют удерживающие поля: за секунду их сила прижмёт его

доспехи, припавит к металлическим балкам и аккуратно притянет тушку вверх – не для того, чтобы калечить, а чтобы вернуть пассажира в шлюз прежней эпохи, откуда он и пришёл. Мы не любим грубости и оскорбления, но такие туристы приносят доход, и поэтому приходится выслушивать всякие гадости. Я сдержанно объясняю регламент: в нашем пространстве есть правила – уважать их недостаточно; нужно ещё и соблюдать. Если он начнёт буянить, его ждёт аккуратная отправка домой и трёхдневный запрет на посещения. Деньги, конечно, важны – но спокойствие нашего времени важнее.

– Извините, Ваше величество, – говорю я, явно преувеличивая аристократический статус визитера. Словно признаю его героическую сущность и титулы, будто он действительно носит корону и знаки высшей власти. Но это делаю сознательно: рыцарь расслабляется, сквозь щели шлема я чувствую, как его тщеславие расправляется, как будто каждая моя фраза – маленькая венценосная корона, надетая на его собственное эго. Его плечи распрямляются, он чуть поворачивает голову, будто смиренно принимает почести, которые я ему дарю словами.

– Просто у нас не принято ходить с таким оружием. Нужно будет оставить на хранение меч, копьё и щит, – продолжаю я с важной интонацией.

Слышу негодование, гремящее сквозь металл:

– Рыцарь без оружия смешон!

– Согласен, – отвечаю я, невозмутимо, – но наши жители вас и так будут уважать, чтить и – самое главное! – бояться, так как вы настоящий рыцарь, который побеждает драконов! А мы слышали, как тяжело сражаться с этими летучими и огнедышащими гадами! Поэтому одной вашей перчатки и шлема будет достаточно, чтобы все перед вами трепетали...

Похоже, я убедил его. Дерэй де Юнкерс, лиловый от тщеславия и чванства, медленно сдаёт оружие на хранение: меч в металлический шкаф, копьё на стенд, щит аккуратно повешен на крюк. Железо гремит, стучит, отдается эхом в зале, а сам рыцарь словно с облегчением разомкнул кольчугу напряжения, шагая к выходу, но не забыв взять с собой документы и мешочек с золотом – ценность привезённого им настоящая, как драгоценность эпохи.

Я вытираю руки и поворачиваюсь к следующему прибывшему туристу. На этот раз из тридцать пятого века. Прямо через портал выходит существо с двумя головами, причем одна – женская, с мягкими чертами, внимательными глазами и игривой улыбкой, вторая – мужская, строгая, с квадратной челюстью и холодным, деловым взглядом. На них накинута костюмы, что-то вроде доспехов, только явно технологически продвинутых: скафандры из блестящих, почти живых материалов, которые адаптируются к телу, держат температуру, отслеживают биологические показатели и светятся мягкой подсветкой по швам.

– Привет, мужик! – весело кричит женская голова. – Я – Юлиноса! Актриса, поэтесса, путешественница на Альфа Цфея и Бету Гомункулуса. Меня смотрят на квантовом телевидении трех звездных систем!

– А я – Бурмагир! – говорит мужская голова мрачным, ровным голосом. – Я инженер-механик звездолетов класса «Балтикус». Обычный человек, без всяких придуростей и наклонностей. Трудоголик!

– И алкаш! – фыркает напарница... или сожительница? Трудно сказать, кто кем приходится, если они в одном теле: в одной голове веселье, в другой – строгость; одна говорит, шутит, флиртует, вторая планирует ремонт двигателей, считает компоненты и ведет таблицы. Тело живет двойной жизнью, одновременно актриса на сцене и инженер на верфи.

Я понимаю, что ни созвездие Гомункулуса, ни корабли класса «Балтикус» мне неизвестны – в моем времени их просто нет. И интерес к будущему сдерживаю намеренно: нам нельзя знать будущее, чтобы не нарушить временную линию, не раскрывать знания несвоевременно. Но глазами скользит любопытство: как можно жить и работать в разных сферах одновременно? Как разделяются головы на задачи и вновь соединяются в одно тело? Вопросы рвутся наружу,

но я их глушу: полный запрет на будущее. Здесь нельзя, нельзя – только наблюдать, проверять документы, фиксировать их присутствие и отпускать в наше настоящее.

Бурмагир что-то бормочет под нос, но с женской башкой не спорит. Я хлопаю по столу несколько сердито:

– Документы?

Сердитость – чтобы заглушить собственное любопытство. Меня буквально точит изнутри: как червь в яблоке, словно в груди завелась маленькая грызущая мысль, которую я никак не вправе удовлетворить. Мне хочется спросить обо всём – как они делят жизнь в одном теле, как устроены их скафандры, как вообще два сознания уживаются и работают, но я сдерживаюсь: правила – как клятва, и я её храню. Остаться равнодушным мне трудно; это чувство пожирает, гложет, но я прикидываю его к ногтю и не даю прорваться.

Тем временем левая рука большого тела извлекает из внутреннего кармана некую энергетическо-пульсирующую субстанцию голубого цвета. Она мерцает мягко, будто в ней бьется маленькое небо. Сквозь этот полупрозрачный гибкий экран я вижу лицо Бурмагира – контур его биометрии, подпись сознания, подтверждение личности. Ясно: это паспорт мужской головы, голографическая карта, навешанная нейросетью и квантовой криптографией. Правая рука хлопает по карманам скафандра – Юлиноса выражает растерянность и неудовольствие.

– Ах, я потеряла свой паспорт! – вскрикивает она, и в голосе слышится кокетство, будто это не беда, а приключение. – Наверное, вчера в баре...

Мужская голова мгновенно оборачивается к ней, глаза как две лампы меняют тон на суровый:

– Дура! Это уже пятый паспорт за этот месяц! Как ты умудрилась его потерять?

– Ну, бывает, – разводит руками Юлиноса, легкомысленно, – ты чего так негативно реагируешь?

– Потому что за твои потери плачу я! – орет Бурмагир. И справедливо: они в одном теле, а расходы и последствия – общие.

Дама сердито отвечает:

– У нас с тобой одна кредитка!

– Но разные счета!

– Мог бы объединить! – сердится Юлиноса.

У нас на КПП начинается словесная стычка, и мне это не нравится. Мониторы за моей спиной показывают очередь: световые маркеры мигают, порталные линии заняты, в следующей секции собираются новые посетители, но мне нестерпимо хочется решить эту дрязгу прежде, чем поток пустит кого-нибудь дальше. Я машинально нажимаю панель – красный индикатор гасит зелёную стрелку, и коридоры за стеклом замерли. Никто не пройдет, пока я не разберусь с этой парочкой.

– Я что, дурак что ли? Чтобы ты растранижила все мои доходы? – воеет Бурмагир, пальцы в тонких биоперчатках нервно тарабанят по моему столу, и от этого дрожит целая колонка сенсоров. Юлиноса фыркает, но не отвечает – она разглядывает себя в служебном зеркале и устраивает себе мини-шоу, поправляя невидимые кудри. В зеркале отражаются не только их лица, но и два разных настроения, два мира в одном силуэте.

Я вдыхаю тяжело и решаю вмешаться официально: дело не в их личной драме, а в протоколе.

– Эй, подождите-ка! Так дело не годится! Я вас не могу пропустить по одному паспорту! – холодно заявляю я.

– Это почему? – краснеет уже от злости Юлиноса. – Я хочу посмотреть на ваш мир, когда вы еще так примитивны и глупы! Когда у вас радиоволны и обычное пещерное телевидение! Я интересуюсь прошлым! Хочу посмотреть, что носили женщины вашей эпохи...

– Женскую одежду я не буду носить! – прерывает её Бурмагир, и в его голосе слышна железная решимость мужской личностью: для него это не шутки и не фривольности – это вопрос чести и собственного самосознания. Он правдоумен в своей суровости; мне понятно, почему он не хочет, чтобы с ним обращались как с примерочкой для исторической выставки.

Юлиноса пищит:

– Так и не носи! – её лицо зеленеет от гнева, губы дрожат, глаза сверкают острой искрой возмущения. Она уже подбирает язвительный ответ, но глотает его, потому что ситуация на грани абсурда.

– У нас с тобой одно тело! – возмущенно восклицает мужская голова. В его словах – паника и раздражение, потому что разделение – не трюк, а технологическая процедура, требующая оборудования, которого у них нет в нашем времени.

Я прерываю их скандал коротко и официально:

– Две головы – две личности! Мы не рассматриваем вас как одну персону. Значит, мне нужны два паспорта. Либо пройдет лишь один – господин Бурмагир. А вы, мадам, – я обращаюсь к Юлиносе с абсолютно ледяным спокойствием, – останетесь в камере ожидания до возвращения вашего... э-э-э... сожителя.

Бурмагир морщится, в нём слышится растерянность и жалость одновременно:

– Но мы не можем разделиться, – говорит он озадаченно. – То есть можем в какой-то мере, но без соответствующего оборудования, которое есть в тридцать пятом веке, это сделать невозможно. А в вашей эпохе мы скреплены намертво.

Юлиноса начинает всхлипывать; у неё на глазах подвисает театральная драма, слёзы собираются и стекают, но она не теряет грации – рыдания у неё поэтичны. Бурмагир нервно кусает губы: кончик зуба впивается в кожу, зажимающаяся челюсть выдаёт, как ему жалко женщину; в его взгляде – искра защиты и вина одновременно. Он почти умоляюще смотрит на меня, надеясь на милость человеческого бюрократа.

– Но... есть какие-то исключения? – спрашивает он тихо, с надеждой, которая дрожит в голосе. – Ведь всякое бывает. Нам этот полет итак обошёлся недешево. Знаете, как трудно из будущего в ваше настоящее прилететь? А тут возвращаться... И Юлиноса потом мне все мозги сожрёт...

Я понимаю его – как мужчина, как служащий – и поэтому пытаюсь помочь, но только в рамках регламента.

– Да, исключение есть, – киваю я серьёзно. – Вы должны оформить документ, что ваша... сожительница – это домашний питомец.

Юлиноса широко раскрывает глаза – в них целая буря возмущения:

– Кто? – шипит она, в голосе – абсолютное возмущение и обида. – Как вы смеете?

Бурмагир в недоумении смотрит на меня: в его лице читается вопрос – шутка это, оскорбление или действительно выход из пикантной ситуации? Он наклоняется вперёд, будто хочет расслышать тон моей интонации, надеясь, что я сейчас рассмеюсь и скажу: «Разумеется, шутка». Но моё лицо остаётся гладким, бюрократическим и непроницаемым – в этом и есть мой ответ.

– У нас разрешено без паспорта провозить одно домашнее животное, – поясняю я сухо. – Вы можете подписать декларацию и оформить временный гостевой тэг для питомца. Тогда одно сознание проходит как владелец, другое – как сопровождающее животное.

– Я – собачка? То есть сука? – вопит от возмущения женская голова, и в её словах слышится полный скандал. – Да что вы себе позволяете?!

Её возмущение – искреннее, почти фурия. Возникает момент культурного клинча: даже из тридцать пятого века к нам прибывают несогласные, борцы за личные права и достоинство.

– Ну, – говорю я, мягче, чтобы не доводить дело до межзвёздного дипломатического инцидента, – кошка подойдёт лучше. Или попугай. Или вообще... никак. Без оформления – вы не пересечёте границу.

Юлиноса оторопела: представить себя «кошкой» – это новый уровень унижения, и её возмущённая блестящая улыбка превращается в насмешку. Бурмагир же, видя, что альтернатива – отправка домой с потерей времени и денег – реальна, тяжело вздыхает и скребёт ладонью по лбу. Его глаза говорят одно: «Придётся играть в абсурд ради нашего общего блага».

В зале воцаряется тягостная пауза – смесь комедии и бюрократического фарса. Я подаю бланк, сканер готов принять отпечатки, и, глядя им в глаза, добавляю строго:

– Подпишите – пройдёте. Откажетесь – возврат в точку отправления. Правила есть правила.

На стене зажигается вторая предупредительная лампочка – красная, как уличный фонарь в дурном квартале. Это сигнал мне: «Эй, дружище, ты опять тормозишь поток!» Значит, на КПП скопилась очередь из межвременных туристов, и еще пару минут – сюда ввалится мой начальник, пузатый майор Гриффин.

Майор – типаж из разряда тех, кого вселенная создаёт для раздражения окружающих. Коротконогий, с лицом, постоянно лоснящимся от пота и власти, он похож на ходячий самовар в форме. Усы – как два кривых шлагбаума, живот – отдельная планета, вращающаяся по своей орбите. И характер соответствующий: брюзливый, дотошный, цепкий, как клещ, если уцепится за ошибку в протоколе. С ним никто не хочет связываться – его громогласное «Кто тут саботирует пропуск?!» слышно через три шлюза.

Бурмагир, заметив моё хмурое лицо и вспыхнувшую лампу, быстро оборачивается к Юлиносе:

– Соглашайся! Пока вахтёр добрый. А то он может депортировать нас обратно!

– Да, могу, – улыбаюсь я с ледяной вежливостью и для убедительности поднимаю палец над кнопкой. Конечно, она никакая не «депортация», а просто включение вентиляции. Но Юлиноса, видя грозную надпись EMERGENCY CONTROL, бледнеет. Её воображение явно дорисовывает страшную картину мгновенного распыления в пространственно-временной пыли.

Она начинает хныкать тоненьким, почти актёрским плачем:

– Но меня потом засмеют... Все подружки будут издеваться, что я была кошкой!

– Я никому не скажу! – торопливо обещает мужская голова, и, клянусь, в его голосе слышно искреннее отчаяние.

– И я не скажу, – добавляю я, стараясь ускорить финал сцены. – Даже отметку ему, – киваю на Бурмагира, – не поставлю, что он провозил кошку.

Юлиноса морщит нос, тяжело вздыхает и, наконец, с величественным жестом обречённой звезды соглашается.

Я оформляю пропуск, шлёпаю печать – и шлюз мягко открывается.

Они проходят в город: скафандр переливается фиолетово-золотыми искрами, словно на нём играют северные сияния, а за ними в воздухе остаётся слабое мерцание – след их хроноэнергии. И, конечно же, даже удаляясь, они не перестают переругиваться из-за злополучного паспорта.

Я смотрю им вслед и на мгновение ловлю себя на мысли: чёрт возьми, какие же фантастические технологии ждут человечество в будущем!

Стоп. Нельзя. Запрещено думать о будущем. Я лишь охранник времени – не пророк.

За смену я проверил сотню гостей – и чувствовал себя выжатым, как лимон в баре межвременных эпох. Глаза слипались, спина ныла, кофе остыл ещё на рассвете, но поток не иссякал. Последним на сегодня оказался неандерталец.

Появился он внезапно, будто из клубка тумана и древнего холода. Ростом под два метра, широкоплечий, с мощной грудной клеткой и лбом, будто выточенным из гранита. Волосы спутаны, борода клочьями, глаза умные, хоть и настороженные, серо-зелёные, как ледниковая вода. На нём висела шкура мамонта – старая, вытертая, но добротная, застёгнутая на кость. В руках – дубина, размером с хороший столб, и, судя по уверенности, он знал, как ею пользоваться.

Говорил он тяжело, с утробными звуками, будто камнями гремел в горле. Мне пришлось напрячь мозги и включить автоматический синтезатор речи, чтобы уловить смысл. Чтобы вы понимали, я передаю его слова в современном варианте.

– Я хочу к вам! – заявил неандерталец, поигрывая дубинкой, как я обычно ручкой или мячом, когда скучно. В его взгляде было то самое первобытное упрямство, из которого потом вырос весь человеческий род.

– Зачем? – спрашиваю я, уже предчувствуя странный ответ.

– Мяса набрать, – честно сказал он. – У нас ледниковый период. Мамонты вымирают. Жрать нечего.

Я глянул на него с сочувствием. Говорят, в каждом из нас живёт пара процентов неандертальских генов. Вот, наверное, из-за этого я вдруг ощутил к нему некую родственную теплоту – как к дальнему, очень древнему родственнику, что пришёл занять у тебя немного хлеба.

– А чем расплачиваться будете за мясо? – уточняю. Ну да, профессиональная деформация. У него, понятно, в карманах кроме блох и костяного ножа ничего нет.

Но парень оказался с ответом наготове:

– Я в Музее древней жизни экспонатом поработаю. Люди на меня смотреть будут, фоткаться. Как накоплю – куплю мяса и домой. Меня племя ждёт. Им нужны подарки: мясо, шкуры, железо... огонь.

– Та-ак, гастарбайтер, значит, – протянул я, чешуя затылок. В принципе, не запрещено. Главное – оформить прививки, чтобы не подхватил чего от современности и не занёс заразу обратно в каменный век.

Я заполнил формы, поставил отметки, зарегистрировал его дубину как музейный экспонат – теперь она официально проходила по графе «культурное наследие». Неандерталец, представившийся Ыых-У-м, довольно кивнул, как человек, получивший долгожданный пропуск в цивилизацию.

Он ушёл, гордо неся свою дубину, и, когда портал за ним закрылся, я впервые за день позволил себе вздохнуть спокойно.

На стене моргнули индикаторы, свет потух, смена закончилась. Я налил себе остатки холодного кофе, посмотрел на пустой зал КПП – и подумал:

Вот она, хронология человечества. От дубины до звездолёта. А я – между ними, просто сторож у ворот времени.

И пусть журналисты считают мою работу лёгкой – они бы попробовали хотя бы день постоять на посту между прошлым и будущим.

Я выключил терминал, снял бейдж и усмехнулся:

– Обычная работа рядового вахтёра. Только время – мой проходной двор.

(27 марта 2024 года, Винтертур)

ШУМНЫЙ ВАНКУВЕР (Фантастическая юмореска)

*Посвящаю своему другу Улугбеку Хайдарову, узбекскому
и канадскому блогеру*

В Ванкувере я был впервые. Канада – всё-таки другой континент, и десять часов полёта – не шутка. Швейцарские авиалинии, как всегда, на высоте: уютный салон, ровный гул двигателей «Боинга-747», белые облака медленно плывут под крылом, а за ними – безбрежный голубой океан, похожий на живое стекло. В иллюминаторе мелькает солнце, отражаясь от блестящих закрылков.

Стюардессы работают с отточенной улыбкой и механической грацией – разносят подносы, блестящие алюминиевые баночки, шуршат упаковкой. Я, как обычно, выбираю курицу с картофелем и пиво. Курица – горячая, с лёгким запахом розмарина и масла, картошка – золотистая, с хрустящей корочкой, а холодное пиво приятно шипит, когда я открываю банку. Сидеть в небе и обедать – это вообще одна из редких ситуаций, когда человек чувствует себя одновременно и богом, и пленником металла.

Перед самой посадкой стюардессы снова проходят по салону – но теперь не с едой, а с баллончиками. Бело-красные цилиндры с надписью «SWISS-ANTIZOMBIE™». Одна из них останавливается рядом и говорит мягким голосом:

– Это обязательный дезодорант. Одной струи хватает на два часа – зомби вас игнорируют. Но помните, этот баллончик всего 200 миллилитров. Если вы задержитесь в Ванкувере, покупайте альтернативные спреи только в сертифицированных магазинах. Не берите с рук – слишком много подделок.

Я беру свой баллончик и верчу в пальцах. На корпусе – рисунок: зомби с выбитыми глазами получает струю в голову. Только картинка – ерунда. В реальности этот спрей вовсе не убивает и не парализует мертвяков. Он просто маскирует запах человеческой плоти, сбивает их нюх. Нанёс аэрозоль – и в течение пары часов ты для них словно невидимка, просто пустое место. Ни запаха крови, ни пота, ни дыхания. Только вот эффект временный.

– Сертифицированных? – переспрашиваю я, больше ради вежливости.

Симпатичная стюардесса улыбается – молодая, лет двадцать пять, с ровной кожей, собранными в гладкий пучок каштановыми волосами и внимательными серыми глазами. На её щеках – лёгкий румянец, а форма сидит так идеально, будто еёшили по ней. Голос у неё мягкий, с акцентом, может, польским или чешским.

– Именно, – говорит она. – Потому что «левые» спреи не гарантируют безопасность. Было несколько случаев, когда заражённые пассажиры садились на борт, а потом... умирали уже во время полёта.

Она запинаясь. В глазах появляется тень, и я понимаю – это не просто слухи.

– И? – осторожно спрашиваю я.

– А потом оживали, – выдыхает она. – Мы едва успели закрыть дверь кабины пилотов. Один пассажир превратился прямо в проходе между рядами. Он укусил женщину, а та... – голос дрогнул. – Она кричала, звала сына. Мы не успели. Мы выкинули обоих за борт, прямо в Атлантику.

Я вижу, как у неё по спине пробегает дрожь, будто та сцена навсегда отпечаталась в памяти. Она быстро вытирает ладонью слёзы и натягивает дежурную улыбку.

– Поэтому, пожалуйста, – тихо добавляет она, – используйте только оригинальные спреи. Я киваю.

– Ясно. Спасибо.

Берусь за баллончик – в нём словно вес всей эпохи. Эпохи, когда человек боится не катастроф, а самого себя.

В Ванкувере меня встречает Улугбек Хайдаров. Он машет рукой у выхода из терминала – высокий, крепкий, в ярком оранжевом шарфе, который он, видимо, привёз из родного Джизака. Седина уже пробивается в его густых волосах, но глаза всё такие же тёплые и лукавые. Настоящий восточный человек – с открытой душой и заразительным смехом.

– Ассалому алейкум, брат! – смеётся он, обнимая меня крепко, будто хочет убедиться, что я живой и не укусил никого по пути.

Улугбек уже много лет живёт в Канаде. Когда-то был журналистом в Ташкенте, потом перебрался за океан, начал с нуля. Теперь пишет репортажи для местных СМИ о жизни переселенцев, о выживании во время зомби-пандемии, о тех, кто не сдался.

Как и все, он пережил ужасы 2031 года, когда вирус впервые прорвался сквозь границы. Тогда Канада выжила чудом – север спасал холод, а местные учёные быстро создали первые формулы для антизомби-дезодорантов.

Мы стоим у выхода, а над городом висит серое канадское небо. Машины движутся спокойно, на улицах – редкие люди в масках и бронежилетах. И всё равно чувствуешь – мир изменился. Навсегда.

В аэропорту было много зомби. Они бродили между стойками регистрации, у турникетов, возле витрин Duty Free, как тени – вяло, без цели, издавая низкое рычание, похожее на скрип старых дверей. Пахло дезинфекцией, кофе и мертвечиной.

Вот идёт старый дед-зомби, белый, весь в струпьях и грязи, с впалыми глазами, из которых сочится мутная жидкость. На нём – широкие потертые штаны, некогда, видимо, модные, теперь разорванные и запятнанные бурым. Рубашка с простреленной грудью болтается, открытая ребра, меж которых болтается клочок засохшего легкого. Он воет – протяжно, жалобно, как больная собака. Проходит мимо охранника с автоматом, тот пинает его в задницу. Дед отлетает, теряет равновесие, встает, озирается, воет снова, и опять идёт куда-то – без смысла, без цели. Никто не обращает внимания. Привыкли.

В другом углу зала ползёт женщина-китаянка, судя по всему – бывшая продавщица. На ней синий рабочий халат, бейдж с оборванным именем и чёрные кеды, стянутые верёвкой. Лицо серое, как пепел. Она принохивается, поворачивает голову, и вдруг замечает крысу, что пробежала среди пластиковых пальм в зоне ожидания. Вдруг её движения оживают – она кидается, хватается добычу и начинает грызть. Крыса пищит, царапается, бьётся, но у неё нет шансов. Женщина-зомби впивается зубами, рвёт плоть, крошки кожи и шерсти разлетаются. Кто-то из пассажиров брезгливо отворачивается. Никто не вмешивается.

А у стоянки такси – целая толпа зомби. Разношерстных, из разных эпох и профессий. Вот бездомный в рваном пальто, вот женщина в костюме офисного клерка, вот парень с наушниками, в которых всё ещё тихо играет музыка. Они нюхают воздух, пытаются понять, где живые. Но не видят. Не чувствуют. Спрей-антизомби делает своё дело. Они стоят, будто толпа безмозглых манекенов, глядят на машины, но не могут связать их движение с людьми.

– Ну, как долетел? – спрашивает Улугбек, перехватывая мой чемодан.

– Спасибо, нормально. Полёт прошёл незаметно, – улыбаюсь я.

Он осматривает зал, словно проверяя, не подкрался ли кто.

– Ты спрей не забыл? – беспокоится. – А то, сам понимаешь, зомби только и ждут, чтобы кого-нибудь потрапезничать.

Я достаю баллончик «SWISS-ANTIZOMBIE™», демонстративно трясу им перед лицом.

Улугбек уважительно кивает:

– Хорошая марка. Швейцарцы всегда были впереди в фармакологии. Этот дезодорант – самый эффективный. И... самый дорогой. Двести баксов за баллон.

– Хочешь жить – не экономь, – философски замечаю я.

Мы выходим из аэропорта. Воздух прохладный, прозрачный, пахнет морем и хвоей. Такси не берём – у Улугбека своя машина: тёмно-синий Ford Bronco 2045, обновлённая версия классического внедорожника. Угловатый, массивный кузов, высокий клиренс, лебёдка на переднем бампере и сетка от зомби на лобовом стекле. Салон просторный, с тёплыми сиденьями и неоновыми полосками на панели – типичный канадский стиль: практично, надёжно и с долей техно-ностальгии.

– Ко мне домой? – спрашивает Улугбек. – Или сразу в ресторан, отметим приезд?

– Если ты за рулём, то тебе алкоголь нельзя, – говорю я с улыбкой.

Он хитро прищуривается, усмехается:

– Я буду ехать так, что ни один полицейский не заподозрит. А если собьём зомби – это даже приветствуется.

– Уговорил, – смеюсь я.

Мотор рычит, машина мягко трогается с места.

Мы выезжаем на шоссе. Вдоль дороги – зелёные клены и пальмы, пересаженные из южных районов, а за ними – стеклянные фасады бизнес-центров, сверкающих на солнце. Где-то впереди – линия горизонта, где сливаются море и горы. Над городом – стальные облака, редкие, как мысли у зомби.

Дороги чистые, но пустынные. Иногда попадаются патрульные дроны с прожекторами и надписями «Stay Safe – Stay Human». На перекрёстках – редкие прохожие. Некоторые несут пакеты, некоторые – оружие на перевес. И между ними, как будто принадлежа к другой реальности, шатаются зомби. Они не нападают – просто идут, бормочут, ищут. Живые обходят их стороной, как обходят мусорные баки или лужи. Никто их не убивает, но и не помогает. Просто сосуществуют. Мир принял мертвецов, как когда-то привык к интернету или налогам.

Стояла прекрасная погода – лёгкий ветер с океана, солнце пробивается сквозь облака, асфальт сухой, а воздух пахнет солью и бензином. Маяки, небоскрёбы, отражающие свет, снежные вершины на горизонте – всё это делало Ванкувер похожим на город из фантастического сна. Только в этом сне есть место зловещим силуэтам, бредущим по набережной.

Ванкувер поразил меня своей красотой и контрастами. Город живых и мёртвых. Здесь можно увидеть зомби в парке Стэнли, сидящих на лавочках у океана. Можно пройти мимо кафе, где официанты с автоматами отпугивают нежелательных гостей.

Но ведь это теперь везде. Зомби есть в Лувре – стоят между «Мона Лизой» и «Свободой, ведущей народ». Они бродят в Третьяковке, среди Репина и Шишкина.

Они сидят на ступенях пирамиды Хеопса, медленно разлагаясь под солнцем.

Они шагают по Великой китайской стене, глядя на пустыню. И даже, говорят, входят в Овальный кабинет Белого дома. Один журналист писал, что президент США однажды выступил с речью, а в углу стоял мертвец в костюме, гнилой, но с бейджем «Press». И никто не обратил внимания.

Таков теперь наш мир – цивилизация, поделившаяся пополам: живые – и неживые.

Крутя баранку, Улугбек говорил негромко, но с той усталой уверенностью человека, который видел слишком многое:

– Знаешь, Алишер, зомби-эпидемия... это ведь было прогнозируемо. После свиного гриппа, ковида-19, Эболы-Зэт – стоило ожидать, что рано или поздно какая-нибудь новая дрянь вырвется наружу. И вот – дождались. Говорят, что вирус создали в лаборатории. Боевой штамм, который случайно ушёл за пределы военной базы.

– Какой базы? – уточняю я, стараясь не отвлекать его от дороги.

Мой друг пожимает плечами, не отрывая взгляда от лобового стекла, по которому мелькают серые отблески уличных фонарей.

– Кто сейчас больше всех возится с военными технологиями? США, Россия, Китай... кто-то из них. Но доказательств нет. Хотя, – он усмехается, – есть и другая версия. Мол, вирус занес на Землю корабль «Starship» Илона Маска, что вернулся с Марса. Подцепил там заразу.

– Да, я слышал, – киваю я. – Говорили, что на борту нашли мёртвого астронавта с укусами.

Улугбек фыркает:

– Мёртвого – это мягко сказано. Он потом ожил в карантинной зоне в Хьюстоне. После этого весь проект закрыли.

Мы выезжаем на East Pender Street, потом сворачиваем на Main Street – типичные ванкуверские улицы с китайскими вывесками, красными фонарями и витринами, заваленными сушёными кальмарами, соусами и золотыми драконами.

– Ого, – удивляюсь я. – Это я в Чайна-тауне или всё ещё в Ванкувере?

– А ты не различишь, – усмехается Улугбек. – Много мигрантов. И ещё больше денег. Китайцы скупают всё: дома, землю, рестораны, даже кладбища. Ну и своих зомби, конечно, тоже привезли.

Мы сворачиваем к подземной стоянке огромного торгово-развлекательного центра «Pacific Galleria» – бетонный гигант на шесть этажей, с зеркальными лифтами и мерцающими вывесками. Внизу, под землёй, прохладно, воздух густой от бензина и пыли. Лампы тускло моргают, а по стенам бегут тени от машин.

Улугбек ловко ставит свой Ford Bronco 2045 на место, глушит двигатель.

– Ну что, пошли? – говорит он.

Я достаю из кармана баллончик SWISS-ANTIZOMBIE™, пару раз распыляю на лицо, шею, руки. Запах свежей мяты с металлическим оттенком. Улугбек делает то же самое, аккуратно распыляя вокруг головы.

Мы направляемся к лифту. Вдруг из-за колонны выскакивает чернокожая старушка – вся в цветастом платке, с сумкой в руке. Она визжит, дико, отчаянно:

– Помогите! Они чувят! Они чувят!

И тут же из полумрака выходят трое зомби. Один – в форме почтальона, с обрывками сумки на ремне; второй – подросток в худи, с выбитым глазом; третий – женщина, вся в крови, босая. Они идут прямо на старушку, рыча.

Женщина пытается отбиваться сумкой, но без толку. Первый хватает её за плечо, валит на бетонный пол. Второй вгрызается в шею. Слышен хруст костей, визг, потом бульканье. Третий уже роется в её вещах, как будто ищет еду.

Мы стоим неподвижно, дышать страшно. Я чувствую, как дрожат руки. Запах крови и тухлого мяса заполняет стоянку.

Через минуту всё стихает. Старушка мертва. Её тело дергается в посмертных конвульсиях. Зомби уходят, не обращая на нас внимания. Видимо, спрей сработал.

– Нас предупреждали о подделках, – тихо говорю я, чувствуя, как по спине бегут мурашки.

Улугбек качает головой, не глядя на тело.

– Да, индусы этим занимаются. Настоящие мошенники. С карточек деньги тянут, продают фальшивые дезодоранты. Научились подделывать даже антизомби-спреи. Только эффективность у них двадцать процентов. Кому-то повезёт – не заметят, а кого-то вот так... – он кивает на окровавленный бетон. – Сразу чувствуют живое мясо.

Я сглатываю, чувствуя металлический привкус страха.

– Бр-р... – выдыхаю. – Только что на наших глазах старушку сожрали заживо.

– Привыкай, – мрачно отвечает Улугбек. – Это теперь у нас называется «естественный отбор».

И мы идём дальше, стараясь не смотреть в ту сторону, где осталась растерзанная женщина, пока лифт поднимает нас к верхним этажам центра, где всё ещё горит неон и звучит музыка – будто в другом мире.

Ванкувер – город культур и запахов. Когда мы поднимаемся на третий этаж торгового центра, я чувствую, как в воздухе смешиваются ароматы специй, жареного мяса, кукурузных лепёшек и свежесваренного кофе.

Слева – мексиканский ресторан «El Diablo Verde». Оттуда несёт дымком, чили и жареным луком. Сквозь полупрозрачные стены видно, как повар в сомбреро бросает на решётку куски мяса для фахитас, а в баре крутится блендер – готовят маргариту. На входе – фигура скелета в пончо, приветствующего гостей.

Чуть дальше – китайский «Golden Lotus». Изнутри доносится тихая музыка на гучжэне, а над дверью мерцают красные фонарики. Витрина украшена утками по-пекински, висящими на крюках, и мисками с лапшой, от которых поднимается пар. Запах соевого соуса, имбиря и жареного кунжута такой густой, что хочется остаться там навсегда.

Напротив – африканский «Safari Taste». Тёплый свет, стены расписаны силуэтами баобабов и львов. Из кухни слышно шкворчание масла, запах копчёного мяса, арахисового соуса и карри. На кассе стоит чернокожая женщина в пёстром тюрбане, поющая негромко какую-то грустную мелодию на суахили.

И вдруг – словно привет из дома – табличка с надписью на голубом фоне: «Узбекские блюда. Ресторан Самарканд». На вывеске изображён золотой купол Регистана, а под ним – список блюд: плов, чучвара, самса, манты, норын, шурпа, шашлык, казан-кабоб, тандыр-гушт и многое другое. Сердце ёкает – запах риса, мяса и зиры мгновенно возвращает меня в детство.

Нас встречает Санджар Умурзаков, молодой мужчина лет тридцати, в синем чапане с золотой оторочкой и чёрной тубетейке. Лицо смуглое, улыбчивое, с лёгкой бородкой. От него веет теплом, будто он только что вышел из ташкентского базара.

– Ассалому алейкум, дустлар! – приветствует он нас, прикладывая руку к сердцу и чуть кланяясь. – Рад вас видеть, Улугбек-ака! С вами друг?

– Это Алишер-ака, живёт в Швейцарии, – улыбается Улугбек. – Коллега и давний товарищ. Давно не ел наших блюд. Покажи ему, что даже в Канаде узбеки – лучшие кулинары!

– Будет сделано, ака, – с сияющей улыбкой отвечает Санджар и спешит на кухню.

Через десять минут к нам несут плов – золотистый, рассыпчатый, с морковью цвета янтаря и мягкими кусками баранины. Сверху – долька чеснока, барбарис, перчик чили. Запах – сногшибательный: зира, курдючное сало, чуть сладковатый аромат жареного лука. Плов подан в расписной керамической пиале, как дома.

Я только собираюсь взять ложку, как за спиной раздаётся странный шорох.

Оборачиваюсь – и вижу зомби. Судя по форме – бывший полицейский: на нём всё ещё висит жилет с эмблемой Vancouver Police Department, а на поясе болтается старая кобура с револьвером. Грудь прострелена, шея с синюшными пятнами, глаза мутные, но он живо водит носом, словно пёс.

Он кружит вокруг меня, наклоняет голову, втягивает воздух.

Запах плова, похоже, сбивает его – мозг не может различить, где живое, а где просто аромат жареного мяса.

Улугбек резко оборачивается и ругается по-английски:

– Back off, you rotten bastard! Stay the hell away from my friend!

Он быстро тянется к кобуре зомби, выдёргивает револьвер, щёлкает барабаном и – бах!

Грохот такой, что уши закладывает. В зале крики, кто-то роняет посуду. Зомби валится назад прямо на соседний столик, роняя на пол блюда с лагманом. Из его головы вытекает чёрная, густая, как нефть, жидкость. Пуля попала точно в мозг – единственное место, убивающее мертвеца наверняка.

Санджар подбегает, бледный, но собранный:

– Хоп! Быстро! Унести его вниз!

Два официанта в резиновых перчатках хватают тело за руки и ноги, тащат в служебный коридор. Там, внизу, в подвале, стоит утилизационный контейнер – железный бак с эмблемой City Crematorium Service. Вечером приедет машина, загрузит тела и отвезёт их в крематорий. Там, говорят, мертвецов сжигают в промышленных печах вместе с мусором.

В зале повисает тишина. Только пахнет пловом, дымом от выстрела и чем-то гнилым.

– Приятного аппетита, – устало говорит Улугбек, откладывая револьвер. —

– Да, – киваю я, глядя на рассыпчатый плов, – аппетит теперь будет... особенный.

В ресторане «Самарканд» уже стало уютно и почти спокойно. После перестрелки с зомби официанты вымыли пол, принесли свежий чай, и, будто ничего не случилось, зазвучала музыка.

Санджар включил колонку у стойки, и над нашими головами мягко поплыл знакомый голос – Севара Назархан, певица с шелковым тембром, где тоска и надежда звучат вместе. Песня – «Йолингда» – об ожидании и любви, но здесь, среди запаха плова и далёкого воя зомби за стенами, она звучала особенно трогательно.

Я закрыл глаза. Голос Севары будто пробирался сквозь гул времени, заставляя забыть, что за окном – полуживой мир.

– Севара, – тихо произнёс я, узнавая знакомую мелодию.

– Она, – кивнул Улугбек, отпивая чай. – Слышал, как она отстреливалась в Ташкенте от зомби?

– Нет, – удивился я. – Что случилось?

Улугбек, как всегда, не заставил себя ждать с рассказом:

– Был концерт. Большой. В здании «Туркистон». Там собрали весь цвет страны – министры, дипломаты, артисты, даже иностранные гости. Оркестр на сцене, камеры, прямой эфир. По протоколу, весь зал перед концертом должны были обработать спреем-антизомби. Но один придурок – то ли по неосторожности, то ли за взятку – залил фальшивку, обычный освежитель воздуха с ароматом лимона.

Он сделал паузу и продолжил:

– Всё началось с того, что во время второго куплета Севары вдруг вырвались зомби. Сначала из заднего входа, потом – из технических помещений. Толпа ещё не понимала, что происходит: думали, это шоу, спецэффекты. А потом одна из тварей прыгнула на барабанщика. Вцепилась в шею. Кровь, крики... оркестр бросает инструменты. Люди давят друг друга, ломаются к выходам.

Я представил: огромный зал, прожектора, суета, визг. На сцене – Севара в белом платье, волосы растрепаны, глаза расширены от ужаса. Кто-то кидает ей автомат – АК-47, старый, советский. И она, стоя среди упавших микрофонов, стреляет. Каждая очередь – отточенная, ритмичная, как будто бьёт под аккомпанемент своей же музыки.

– Все её музыканты тогда погибли, – сказал Улугбек, хмурясь. – А потом воскресли. Прямо на сцене. И пошли на зрителей. Один играл на саксофоне, когда его укусили. Через пять минут он уже рвал зубами глотку скрипачу.

Я вздрогнул. Перед глазами вспыхнула жуткая картина: оркестр, залитый кровью, трупы в вечерних платьях, упавший штатив камеры, на экране – дрожащая картинка и лицо Севары, искажённое болью и отчаянием.

– Она спаслась, – сказал Улугбек. – Вырвалась через гримёрку, забралась в полицейскую машину и уехала в сторону Янгийуля. Но с тех пор не поёт на публике. Только в студии – да и то редко.

Он достал смартфон, включил видео на YouTube. На экране – запись, сделанная кем-то из зрителей. Дрожащие кадры: зал, вспышки, крики, автоматные очереди. В кадре мелькает Севара, вся в крови, с автоматом в руках. Позади неё – мертвец в костюме дипломата, ползущий по сцене. Она стреляет в него почти в упор. Камера падает, потом экран темнеет, остаётся только звук – вой, крики и эхо музыки, которую оркестр не успел доиграть.

Я опустил взгляд.

– Да-а... дела, – тихо произнёс я.

Мы сидим молча. За окном – вечерний Ванкувер, огни отражаются в стеклянных фасадах.

И вдруг Улугбек, не поднимая глаз, сказал:

– Было ужасно. Семьдесят процентов города погибло в первый месяц. Улицы горели, полиция стреляла в толпу. Потом изобрели спрей. Мы спаслись – я, жена, дети. Теперь живём... как можем. Зомби – как бродячие собаки. Мы их не трогаем – они нас не трогают. Если повезёт.

Я вздохнул:

– У нас по-другому. В Швейцарии зачистили всех. Жёстко, но эффективно. Построили бетонные стены, по периметру – колючка под высоким напряжением. Любой зомби, что сунется, жарится на месте.

Я открыл YouTube и включил своё видео. На экране – заснеженные горы, тихая граница. И вдруг – приближается зомби, серый, обледенелый. Он натывается на колючую проволоку, раздаётся треск, вспышка, и тело вспыхивает, как сухая бумага. Через несколько секунд остаётся только дымящийся силуэт.

Улугбек тихо произнёс:

– Красиво... и страшно.

– Да, – ответил я. – Цивилизованная смерть.

Музыка Севары всё ещё звучала – тихо, печально, будто она пела не нам, а миру, который сам себя уничтожил.

– В Узбекистане приняли закон о зомби, слышал? – спросил меня Улугбек, облокотившись на стол и понижая голос, будто говорил о чем-то постыдном.

Я удивлённо поднял брови:

– Что ещё за закон?

– Вах, ты не знаешь? – искренне изумился мой друг. – Инициатором была какая-то пожилая активистка из Ташкента, Саодат Абдураззакова, бывшая паспортистка. Седая, в очках, лет под семьдесят. Она, понимаешь, выдвинула идею, что зомби – это тоже часть природы. Мол, у каждого существа есть право на существование, даже если оно тянется к твоему горлу. И протаскала закон через своих сторонников в Олий Мажлис.

Он покачал головой и добавил, уже с усмешкой:

– Теперь в Узбекистане зомби – граждане с полными правами. Только... мясоеды.

Я долго молчал, переваривая услышанное, потом выдавил:

– Ахренеть...

Глотнул чай. – Надо же, как поворачивает история...

В зале, между столами, действительно бродили зомби – мирно, лениво, словно заплутавшие туристы. Один стоял у телевизора и бессмысленно смотрел на бегущую строку новостей. Другой пытался отодрать кусок мяса от обглоданной куриной ножки на пустом столике.

Я на всякий случай снова прыснул на себя «Swiss-Antizombie™», Улугбек последовал примеру. В носу защипало, но запах эвкалипта и спирта вернул чувство уверенности.

К нашему столику подошёл Санджар, улыбаясь своей неизменной ресторанной улыбкой:

– Выпить закажете, дустлар?

– А что есть? – поинтересовался Улугбек.

Санджар начал перечислять с гордостью, будто хвалился коллекцией антиквариата:
– Водка «Ислам Каримов», 65 градусов...
Улугбек нахмурился.
– Отвергаем, – резко сказал он.

Я его понял: пить что-то с именем покойного диктатора – все равно что пить яд. Лицо у друга стало каменным, даже брови сдвинулись, как у человека, которому напомнили о плохом сне.

Санджар не заметил перемены настроения и продолжил:

– Пиво «В стенах УМЭДа»...

– Чего? – не понял я.

– Так называется. Варят выпускники Университета мировой экономики и дипломатии. Специальный сорт, «академический лагерь».

Улугбек фыркнул:

– Пропускаем. Что дальше?

– Коньяк «В гостях у Закира Алматова».

– Ох, тьфу ты... – Улугбек поморщился. – Именем главного мента назвали коньяк? Нет уж, увольте.

Санджар всё ещё бодро держался:

– Есть вино «Слёзы Гугуши», ликёр «Абу-Сахий»...

Тут я не выдержал и рассмеялся:

– Братишка, а текила у вас есть?

– Есть! – радостно ответил Санджар, будто услышал родное слово.

– Тогда давай текилу, лимон и соль.

– Поддерживаю! – сразу сказал Улугбек, хлопнув ладонью по столу.

Через пару минут Санджар принёс поднос: три рюмки из толстого стекла, тарелка с ломтиками ярко-жёлтого лимона, кучка соли и маленький нож с деревянной ручкой. Всё выглядело почти священно – в этом мире, где зомби за окном, а плов пахнет, как память о детстве.

Мы разлили прозрачную жидкость. Сначала я облизал кожу на руке, посыпал солью, потом коротко шепнул:

– За живых.

– За живых, – эхом повторил Улугбек.

Мы выпили залпом. Жгучая волна прошла по горлу, ударила в грудь, дыхание перехватило. Лимон – кислый, живой, будто возвращал в реальность.

Санджар смотрел на нас с довольной улыбкой:

– Вот теперь по-узбекски!

Я кивнул, чувствуя, как в голове проясняется, а за окном мир казался чуть менее мрачным – даже зомби на улице шатались как-то мирно, будто и они хотели выпить по рюмочке за спокойную жизнь.

За окном торгового центра уже густела темнота. Небо над Ванкувером заволочило прозрачной дымкой – где-то на горизонте еще тлели дома, подожжённые недавними стычками между живыми и мёртвыми. Из-за горных вершин поднималась Луна – огромная, медная, будто вылитая из расплавленного металла. Её отражение дрожало в мокром асфальте парковки, а вокруг светились вывески ресторанов, переливаясь китайскими иероглифами и латинскими буквами. Ветер доносил запах моря, соли и чего-то сладко-гнилого, как напоминание о том, что мир уже никогда не станет прежним.

Мы закончили трапезу, расплатились и вышли из здания. Санджар и его сотрудники проводили нас до лифта – с поклонами, добрыми словами и пожеланиями «безопасного вечера». Их улыбки были искренние, но в глазах светился страх: все знали, что ночью зомби становятся активнее.

На улице стоял жутковатый гул – стон, вой, хрипы, словно тысячи горловых звуков слились в единую ноту безумия. По асфальту брели зомби: одни тянули руки к небу, другие шарили по урнам, а третьи, завидев нас, поворачивали головы, но тут же теряли интерес – запах свежего «Swiss-Antizombie™» надёжно держал дистанцию.

Вдруг сбоку, у мусорных контейнеров, взвизгнул человек – маленький китаец в грязной униформе доставки. Он, видно, пользовался поддельным спреем: пузырёк блестел в его руке, с выцветшей наклейкой и иероглифом «##». В следующую секунду трое зомби набросились на него, сбили с ног и начали рвать на части. Тело дергалось, кости трещали, а воздух наполнился запахом крови и железа. Никто не вмешивался. Люди, проходившие мимо, просто ускорили шаг – такова жизнь теперь, привычная, как раньше – пробки и реклама.

Я вздрогнул и тихо сказал:

– Шумно у вас в Ванкувере. Даже ночью – шумно.

Улугбек пожал плечами, будто говорил о погоде:

– Обычный день, Алишер-ака. Здесь всегда так.

Он обернулся, усмехнулся и добавил по-английски, с лёгким восточным акцентом:

– Welcome to Canada, my friend.

Мы подошли к его старенькому «Форду», сели в салон, и он завёл двигатель. В свете фар по дороге тянулись силуэты зомби – как древние странники, утратившие цель.

Я посмотрел на небо, где Луна теперь стояла в зените – большая, рыжая, будто глаз уставшего Бога, наблюдающего за сумасшедшей Землёй.

– Мир меняется, – тихо сказал я.

Улугбек кивнул, выруливая на трассу:

– Главное – не дать ему сожрать нас.

И машина медленно уехала в темноту, растворяясь в городских огнях, где живые и мёртвые делили одно небо, один воздух и одну судьбу.

(5 августа 2025 года, Ванкувер, 28 октября 2025 года, Винтертур)

О ЗВЕЗДАХ ЗАБУДЬ! (Фантастическая юмореска)

Мой обычный разговор с соседом, живущим на Луне:

– Читал, Исмоил, что в рейтинге Паспортов Галактики наш землянский оказался на полтора миллиардном месте, сразу после звезды-супергиганта Караптукас и оранжевого карлика Хэккуранс?

Я мысленно представил себе этот рейтинг – толстый светящийся каталог, парящий в межзвёздной сети данных. В нём – миллиарды паспортов, и каждый по-своему уникален. Одни – прозрачные, как кварц, с переливающимися символами, видимыми только под определённым углом; другие – живые, биометрические, шевелятся и дышат, реагируя на владельца; а третьи – вовсе нематериальные, записанные в квантовом коде, который можно активировать лишь при совпадении сознательных волн.

Паспорт Земли, конечно, выглядел по-старинке – синий, бумажный, с гербом, слегка потрёпанный временем, и когда смотришь на него среди этих чудес, кажется, будто держишь древний пергамент рядом с фотонным чипом.

– А что так нас опустили в этом тысячелетии? – отвечаю я раздражённо. – Караптукас – это же полный отстой! Там туземцы из каменного века ещё не вышли! И мы на одном уровне с ними?!

Действительно, Караптукас не стоит никакого интереса. Ни для туризма, ни для инвестиций, ни даже для нормальной экспедиции. Это планета, затерянная где-то в тьмутараканьской части Вселенной, где свет от ближайшей звезды доходит только через три галактических цикла. Там нет ни атмосферы, пригодной для дыхания, ни океанов, ни инфраструктуры. Только суровые пустоши, каменные города, и племена полуголых существ, поклоняющихся метеоритам и глотателям солнца. И всё же они почему-то в рейтинге стоят выше нас!

Мой сосед, Исмоил, усмехнулся и, прищурившись, уточнил:

– Просто выяснилось, что не все правительства разных звёздных систем открыли нам безвизовые режимы! Мы, оказывается, не долетели ещё до многих звёзд, и поэтому о нашем паспорте Земли там и не знают!

Это чистая правда. Наши звездолёты тихоходные, древние, как мопеды двадцатого века. Летают максимум до Пояса Ориона и то при попутных магнитных ветрах. Позор земной науке, позор инженерам, которые вечерами спорят о квантовых двигателях, но дальше орбиты Марса ничего не построили.

А политики? Те и вовсе бездельники – всё финансирование космоса уходит на военные спутники и праздники «Дня Космонавта». И в результате – наш паспорт, наш голубой земной документ, никому не нужен даже на задворках Галактики.

Я вздохнул, глядя в сторону Земли, чья голубая сфера отражалась в стекле купола Лунного поселения, и сказал:

– Да, плохо наши звёздные дипломаты работают... Плохо! Лентяи! Дармоеды!

Исмоил кивнул, глотнул лунного кофе из тюбика и мрачно добавил:

– А ведь нас даже на Венерианский фестиваль без визы не пустят...

Я хмыкнул, открыл бутылочку юпитерианского сока – густого, почти вязкого напитка цвета расплавленного янтаря. От него шёл мягкий пар, потому что сок подогревался прямо внутри упаковки – так требовала структура его микрокристаллов. Он пах странно – чем-то между карамелью, серой и свежесыграной рудой, но вкус у него был неожиданно приятный: прохладно-сладкий, с металлической нотой на языке и лёгким ударом гелиевой свежести. Сделав глоток, я почувствовал, как где-то в горле зазвенело, будто микрофон поймал волну радиосигнала.

– Венера – это клозет нашей солнечной системы, – произнёс я с видом эксперта. – Вот бы Хэркуранс посетить... Видел сюжеты об этой системе по Интрапланет.

Увы, нет только там нашего представительства.

Мой сосед, Исмоил, издал звук, похожий на удивлённый писк термодрона:

– Странно то, что туда наши гастарбайтеры уже добрались, а дипломаты – нет! Вот, к примеру, мой сосед Хуррам-ака уже на Каптертруме-6 живёт второй оборот вокруг звезды, а до неё, между прочим, семьдесят восемь тысяч световых лет!

Деньги уже выслал, его семья на Венере купила дом и ракету-такси для брата. А сына – в университет на Плутоме устроили!

Я едва не поперхнулся соком. Весть ошеломила меня, и я, прокашлявшись, выдавил:

– Да, молодец... Наши мужики пробивные, до туманности Андромеды доберутся раньше политиков и военных! Везде ведь нужна рабочая сила. Кстати... а как его вообще пустили на Каптертрум-6 с нашим паспортом? Его же там не признают!

Я потянулся к голографическому рейтингу паспортов Галактики, и, проскролив вниз – далеко вниз, мимо светящихся жетонов, плазменных идентификаторов и живых виз, – убедился в своей правоте: паспорта Земли там не значилось вообще.

Исмоил ухмыльнулся и сказал с удовлетворением:

– А он властям сказал, что сам и есть паспорт, а сам, мол, хозяин прибудет позже!

Ему поверили, потому что там такое тоже бывает. У них документы проходят в живом или печатном виде – им всё равно! Так что он там ходит паспортом!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.